

Ярко-красная свежая кровь хлынула из оснований среднего пальца, безымянного пальца и мизинца.

Император Ли Юньчжэн никогда прежде не владел настоящим клинком. Все во дворце находилось под чьим-то контролем. На протяжении всей своей жизни он ничем не отличался от марионетки. Если бы не Ван Шичжун, у него бы не было возможности даже прикоснуться к оружию. У него даже не было возможности убить себя, не говоря уже о том, чтобы иметь доступ к оружию убийства. Более того, во дворце всегда было спокойно.

В этот момент тело Ли Юньчжэна задрожало. В его глазах появился намек на ужас, а в сердце поднялся страх. Он думал об этом бесчисленное количество раз, часто с гораздо более трагическим исходом. Он представлял себе, как обезглавливает евнуха Гао и пинает его отрубленную голову, как мяч. Он почти чувствовал удовлетворение от этого. Однако теперь, когда ему удалось ранить евнуха Гао, он был сильно взволнован. В то же время в его голове возникло несколько возможных негативных последствий от его действий.

«Что мне делать?!» Ли Юньчжэн отступил назад.

Гао Шиюань лишь коротко вскрикнул, когда ему отрезали пальцы, быстро зажимая раны на руке. В его глазах вспыхнула ненависть и убийственное намерение. Ему очень хотелось разбить голову Ли Юньчжэна. Увы, он знал, что ему нельзя было так поступить. Даже если Ли Юньчжэн был всего лишь императором-марионеткой, за ним стояло множество могущественных сторонников.

Ван Шичжун тоже знал об этом. Кроме легкого намека на шок в глазах, его выражение лица никак не выдавало его эмоций.

В конце концов, Гао Шиюань был всего лишь евнухом. Помимо того, что он мог контролировать некоторых людей во дворце, он не представлял особой ценности. Более того, даже если бы он умер, найти ему замену было бы несложно.

Гао Шиюань знал, что он не был незаменим. Поскольку он не мог нанести ответный удар, ему оставалось только... терпеть! Он должен был терпеть. Через мгновение он вытер с лица пот, упал на колени и сквозь стиснутые зубы произнес:

— Я совершил ошибку! Пожалуйста, сдержите свой гнев, Ваше Величество!

— ... — Ли Юньчжэн.

Он не ожидал, что Гао Шиюань стерпит потерю трех пальцев.

С другой стороны, Ван Шичжун и остальные не были удивлены.

Когда Ван Шичжун посмотрел на Лу Чжоу, он обнаружил, что Лу Чжоу спокоен. Он не мог не задаться вопросом, в чем заключается источник уверенности старика. Тот был достаточно смел, чтобы бросить вызов императорскому двору Великого Тана.

Когда Ли Юньчжэн окончательно вышел из ступора, он вдруг понял, что не так уж и слаб, как ему казалось. Сабля, кровь, отрубленные пальцы... Они больше не казались ему отталкивающими. Вместо этого он почувствовал, что с его груди словно сняли тяжесть.

Тем временем евнухи и дворцовые девушки, придя в себя, упали на колени.

— Пожалуйста, сдержите свой гнев, Ваше Величество!

Ли Юньчжэн впервые почувствовал, что ему оказывают уважение, подобающее императору.

«Так вот что имели в виду древние учителя в книгах?» На Ли Юньчжэна, который никогда раньше не задумывался о физической силе, снизошло озарение.

Лу Чжоу довольно кивнул.

— Ты постарался?

Ли Юньчжэн отбросил свои сложные мысли в сторону и произнес:

— Я... я...

— Нет, не постарался. — Лу Чжоу медленно поднялся на ноги и завел руки на спину. Затем он посмотрел на Ли Юньчжэна и произнес твердым и решительным тоном: — Подумай над моими словами еще раз. Не торопись.

Ли Юньчжэн почувствовал легкую нервозность и страх. Он посмотрел на стоящего на коленях Гао Шиюаня и понял, что не испытывает к евнуху никакой симпатии. Ведь это был тот самый евнух, который сделал его жизнь во дворце несчастной. Затем он перевел взгляд на дворцовых девушек и других евнухов, которые в этот момент выглядели кроткими и беспомощными. Для посторонних эти слуги действительно выглядели жалкими. Однако он один знал, насколько они фальшивы и коварны. Если обстоятельства позволят, он не сомневался, что они поднимутся на ноги и продолжат издеваться над ним.

Пока Ли Юньчжэн был погружен в свои мысли, Ван Шичжун тихо произнес:

— Ваше Величество, солнце и луна могут свидетельствовать о преданности евнуха Гао. Поскольку он потерял три пальца, а также с учетом его многолетней службы вам, разве вы не пожалеете его и не простите? По крайней мере, он заслуживает благодарности за все свои усилия...

Ли Юньчжэн посмотрел на Ван Шичжуна.

— Кто же тогда пожалеет меня? — спросил он.

— Ваше Величество, вы хотите сказать, что у евнуха Гао есть и другие грехи, о которых мы не знаем? — поинтересовался Ван Шичжун.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— Я подумал... что мы должны дать евнуху Гао шанс защитить себя, — произнес Ван Шичжун.

Гао Шиюань поспешно произнес:

— Я не жалуюсь, просто если Его Величество намерен наказать меня за мои грехи, наказание должно соответствовать преступлению!

Когда Ли Юньчжэн услышал позицию Ван Шичжуна, который, казалось, был на стороне Гао Шиюаня, в его сердце поднялось пламя ярости, сжигающее страх и неуверенность. Он глубоко вдохнул. Как правитель империи, он должен был вести себя подобающим образом. В следующее мгновение он спросил с холодным взглядом и спокойным сердцем:

— Гао Шиюань, ты хорошо знаешь законы Великого Тана. Скажи мне, каким должно быть твоё наказание?

— ... — Гао Шиюань.

— Неуважение — одна из десяти гнусностей. Как ты должен быть наказан? За присвоение серебра, злоупотребление законом и незаконное убийство дворцовых девушек и евнухов... Каким, по-твоему, должно быть твоё наказание? Похоже, ты считаешь, что имеешь право поступать так, как поступал раньше... У империи свои законы. Ты не имеешь права убивать людей во дворце по своему усмотрению. Ответьте мне, — Ли Юньчжэн задал три вопроса подряд, явно уверенный в себе.

— ... — Гао Шиюань нахмурился и пробормотал: — Ты...

— Ты? — Ли Юньчжэн набрался храбрости и встал перед Гао Шиюанем. — Ты смеешь так обращаться к своему императору? Ты хочешь убить своего императора?

— ...

Ван Шичжун, Ван Шу, солдаты, ученики Небесного Боевого Суда, евнухи и дворцовые девушки выглядели озадаченными.

«Молодой император сошел с ума!»

Даже если бы Гао Шиюань получил всю храбрость мира, он не посмел бы убить императора, по крайней мере, открыто.

Ли Юньчжэн шагнул вперед и посмотрел на Гао Шиюаня, заставив его отступить назад.

С лица Гао Шиюаня исчезли все краски, и он упал на землю.

В этот момент Ли Юньчжэн понял, что он гораздо сильнее, чем он предполагал. Это еще больше укрепило его уверенность. Он произнес низким голосом:

— Я приговариваю тебя к смерти. Согласен ли ты с этим?

— Хватит! — резко произнес Гао Шиюань. Его голос был наполнен презрением и яростью. — Вы собираетесь убить меня, Ваше Величество?

— Ты хочешь восстать? — Ли Юньчжэн не стал отступать.

— У меня нет таких намерений, но я не могу с этим смириться! — Гао Шиюань поднял руку, на которой оставалось только два пальца, оторвал полоску ткани от рубашки и перевязал руку. Затем он медленно поднялся на ноги и произнес: — Ваше Величество, я не боюсь смерти. Однако, если я умру, боюсь, во дворце воцарится хаос. Я уверен, что будут и жертвы.

Лу Чжоу хлопнул в ладоши, когда Гао Шиюань закончил говорить.

— Похоже, что в Великом Тане слуги достаточно смелы, чтобы угрожать своему императору. Сегодня мои горизонты расширились...

Гао Шиюань ответил:

— Это дело дворца. К вам это не имеет никакого отношения.

— У хозяина и слуги есть свое место. Как слуга, ты даже не можешь выполнить свой долг и осмеливаешься вести себя дерзко? — спросил Лу Чжоу.

— Даже если так, я не позволю, чтобы меня допрашивали посторонние, — произнес Гао Шиюань.

Лу Чжоу шагнул вперед и подошел к Ли Юньчжэну.

— Как я могу быть посторонним, если это дело касается моего великого ученика? — сурово спросил он.

— Великого ученика?

Гао Шиюань и остальные были шокированы.

Даже Ли Юньчжэн выглядел озадаченным.

Ван Шичжун нахмурился и хлопнул по столу, быстро реагируя на изменение ситуации.

Шмяк!

— Гао Шиюань, за твои дерзкие действия и бунтарство Его Величество приговорил тебя к смерти, а ты еще смеешь спорить? — громко произнес Ван Шичжун, шокируя остальных.

— Лорд Ван, что вы... — пробормотал Гао Шиюань.

— Правитель и его подданные находятся на разных уровнях. Как ты смеешь угрожать Его Величеству, если даже не можешь выполнить свои обязанности? — Ван Шичжун поклонился.
— Я прошу казнить Гао Шиюаня, чтобы он послужил примером для остальных.

— Как ты смеешь?! — Гао Шиюань расширил глаза и попятился назад. В то же время он воздвиг вокруг себя защитную энергию.

В этот момент Ли Юньчжэн безэмоционально произнес:

— Прирежь его.

— Да, Ваше Величество.

Ван Шичжун быстро переместился с помощью своей великой техники к Гао Шиюаню. Его ладонь, словно молния, ударила в грудь евнуха.

Бам!

Гао Шиюань отшатнулся назад и захрипел, выплевывая полный рот крови.

Ван Шичжун оттолкнулся от земли и молниеносно появился над Гао Шиюанем. Под его ногами образовалась энергия, и он топнул ногой по груди Гао Шиюаня.

Бум!

Гао Шиюань рухнул на облачную платформу, раскалывая пол. С самого начала и до этого момента у него не было даже шанса проявить свой аватар. Он был полностью подавлен скоростью Ван Шичжуна. В этот момент он перестал дышать. Его глаза были открыты, а грудная клетка вмята.

Все были потрясены неожиданным поворотом событий и на время забыли о том, что Ли Юньчжэн был великим учеником Лу Чжоу.

Отойдя от трупа Гао Шиюаня, Ван Шичжун поклонился и произнес:

— Ваше Величество, эти евнухи и дворцовые девушки тоже должны быть казнены. Восстание против монарха — тяжкое преступление. Мы не можем отпустить их так легко.

— Казни их, — холодно произнес Ли Юньчжэн, отворачиваясь.

— Отведите их к летающей колеснице и казните, — приказал Ван Шичжун.

Солдаты оттащили евнухов и дворцовых девушек к летающей колеснице.

— Помилуйте, Ваше Величество!

Помиловать? Некоторые люди были недостойны милосердия, особенно когда они были слабы, но все же осмеливались на дерзкие поступки.

Ван Шичжун встал перед Ли Юньчжэном и произнес:

— Ваше Величество, я выполнил ваш приказ и привел его в исполнение.

— Молодец! — Теперь Ли Юньчжэн чувствовал себя намного лучше.

Ван Шичжун вернулся на свое место.

Фрр!

В этот момент с одной из дальних гор донеслось лошадиное ржание.

Юй Шанжун посмотрел в направлении шума и обратился к своему учителю:

— Я думаю, что Цзи Лян устал. Более того, кажется, что сегодня он ведет себя ненормально. Я должен пойти и проверить его.

Прежде чем Лу Чжоу успел ответить Юй Шанжуну, Ван Шу, сидевшая рядом с Ван Шичжуном, произнесла:

— Отец, это моя лошадь! Это моя лошадь!

«Хм?» Собравшийся уходить Юй Шанжун резко остановился, услышав эти слова.

— Твоя лошадь? — он посмотрел на Ван Шу.

<http://tl.rulate.ru/book/42765/2162823>